

НАРОДЫ СССР

Народы Дагестана. Сборник статей. Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Научно-популярная серия, М., 1955.

Подготовленный Институтом этнографии совместно с Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР сборник статей «Народы Дагестана» является первой научно-популярной этнографической публикацией, изданной у нас в послевоенные годы.

Из стен Института этнографии в недавнее время уже вышло несколько работ, опубликованных в научно-популярной серии Академии наук СССР. Однако эти работы («По следам древнехорезмийской цивилизации» С. П. Толстова, «Очерки истории первобытной культуры» М. О. Косвена), хотя и основанные в той или иной мере на данных этнографической науки, не являлись собственно этнографическими. Только теперь, с выходом в свет сборника «Народы Дагестана», положено начало большому и нужному делу — ознакомлению широких кругов советских читателей с этнографией многочисленных народов нашей страны: их этнической историей, культурой, живыми чертами их быта в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху. Нужно надеяться, что вслед за «Народами Дагестана» советскими этнографами будут подготовлены к печати аналогичные научно-популярные книги, посвященные другим народам СССР и зарубежных стран. Значение подобной серии популярных этнографических публикаций трудно переоценить: она явилась бы очень важным дополнением к другой издаваемой Институтом этнографии значительно более специальной серии томов «Народы мира».

Вот почему хотелось бы рассматривать рецензируемую книгу как — по существу дела — первую книгу новой серии и именно с этой точки зрения оценивать ее достоинства и недостатки.

Сборник состоит из введения, содержащего весьма четкую и выразительную общую историческую характеристику Дагестана в прошлом и настоящем (автор — секретарь Обкома КПСС Дагестанской АССР А. Д. Даниялов), и 10 статей, посвященных 10 народам края: аварцам, даргинцам, лезгинцам, кумыкам, лакцам, табасаранам, рутульцам, агулам, цахурам и горским евреям. Составители сборника, несомненно, поступили правильно, не выделяя в особые статьи описание других, более мелких народностей и этнографических групп Дагестана: это сильно утяжелило бы книгу. Повидимому, и в дальнейшем в научно-популярных публикациях о народах и их культуре следует идти по пути не исчерпывающего справочного, а выборочного описания отдельных народов и этнографических групп.

Статьи сборника весьма не одинаковы по своему объему, но все они, будучи написаны по единому, хорошо продуманному плану, в той или иной степени характеризуют расселение, численность, этническую принадлежность и историю народа, его хозяйство, общественный строй, семейный быт, материальную и духовную культуру в дореволюционное и советское время. В результате сборник знакомит читателя со всеми основными сторонами жизни народов Дагестана и по существу дела является не сборником, а цельной этнографической монографией о народах края. Этому в большой степени способствует единство приемов этнографического описания и стиля в отдельных статьях, показывающее, что редакторы (М. О. Косвен и Х.-М. О. Хашаев) основательно поработали над книгой.

Отдельные статьи написаны главным образом московскими и махачкалинскими этнографами, посвятившими ряд лет этнографическому изучению Дагестана. Привлеченный ими свежий, впервые поднятый полевой материал позволил не только дать разностороннее описание народов края, но и осветить многие существенные вопросы, до этого времени не исследованные или мало исследованные. Таковы, в частности, вопрос о роли патриархальных элементов в дагестанском феодализме и почти не изученный вопрос о соотношении общинно-родовых и общинно-соседских пережитков, нашедшие место в статьях «Аварцы» и «Даргинцы» (авторы — З. А. Никольская, А. И. Алиев). В ряде статей (особенно в статьях Л. И. Лаврова «Лезгинцы», «Лакцы», «Рутульцы») не декларативно, как это, к сожалению, еще нередко наблюдается в исторических и этнографических работах, а на конкретных примерах показано благотворное влияние русской культуры на дореволюционную культуру народов Дагестана. Во всех статьях сборника с большей или меньшей детализацией, но почти всегда убедительно показаны конкретные, живые черты социалистического преобразования культуры и быта дагестанцев: новые формы их хозяйства, общественной и семейной жизни, материальной и духовной культуры.

Авторский коллектив сумел поднять в ограниченной по объему научно-популярной работе и такой сложный вопрос, как пути и перспективы национального развития народов Дагестана. Уже во введении дается представление об исключительной этнической дробности Дагестана (наглядно выраженной на «Этнической карте Дагестанской АССР», составленной Я. Р. Винниковым). В дальнейшем показано, что частично еще в дореволюционное время, а главным образом после Октября происходит процесс консолидации мелких народностей и этнографических групп вокруг крупнейших народов Дагестана — аварцев, даргинцев, лезгин. Особенно хорошо виден этот сложный, многосторонний процесс в уже отмечавшихся статьях «Аварцы» и «Рутульцы», а также в статье «Агулы», принадлежащей к числу лучших в сборнике.

Конечно, освещение этих и других научных вопросов в отдельных статьях сборника не лишено тех или иных недочетов. Так, в части той же характеристики национального развития дагестанцев представляется недостаточно убедительным утверждение Л. И. Лаврова о том, что рутульцы уже до Октября представляли сложившуюся народность, хотя у них не было не только территориального и экономического единства, но и установившегося национального самосознания (не было даже термина, обозначающего данную этническую группу или язык, стр. 197). Бросается в глаза весьма различное отношение авторов сборника к выявлению и описанию вредных пережитков старого быта. Только один Л. И. Лавров в статье «Лезгинцы» без ложной стыдливости рассказывает о старых традициях, которые все еще мешают женщинам-лезгинкам занять действительно равное с мужчиной положение, о частичном сохранении религиозных предрассудков и т. п. и делает важный практический вывод: «необходима еще небольшая разъяснительная работа, чтобы эти пережитки ушли в прошлое» (стр. 115). Напротив, авторы большинства других статей либо пишут о полном исчезновении вредных обычаев и предрассудков (даргинцы — стр. 96, кумыки — стр. 146 и др.), либо говорят о них в «успокоительном» тоне (у аварцев молодые женщины «не религиозны, но иногда скрывают свое неверие, чтобы не вызвать порицания стариков» — стр. 55).

Можно было бы отметить здесь и другие, менее существенные авторские или редакционные недочеты (так, на стр. 70 сказано, что селение Кубачи известно по письменным памятникам с X в., а на стр. 84 — с IX в., на стр. 153 изображено «дальце лакской «джума-мечети, построенной в VIII веке», а на следующей странице говорится, что предание, будто лакцы уже в VIII в. приняли ислам, «не соответствует действительности»). Однако, если вернуться к основному интересующему нас сейчас вопросу — отмеченным выше перспективам развития этнографической научно-популярной литературы, — важнее сказать другое.

Научно-популярная книга рассчитана прежде на то, чтобы заинтересовать своей тематикой возможно более широкий круг читателей. Для этого она должна быть написана не только хорошо, но и интересно, так, чтобы читатель — не этнограф, прочтя одну книгу, охотно взялся за другую. Все ли сделали для этого авторы сборника «Народы Дагестана»? Нам кажется, что нет.

Обратимся, например, к тем местам сборника, где говорится об устном народном творчестве народов Дагестана. Здесь можно было одним-двумя короткими отрывками показать характер дагестанского фольклора, своеобразие его форм, музыку песен и т. д. Вместо этого читателю сухо сообщается, что у аварцев «основные мотивы фольклора — песни о Ленине, Сталине и героях Великой Отечественной войны» (стр. 67), у даргинцев «в устном народном творчестве появились новые темы песен и рассказы — о В. И. Ленине и И. В. Сталине, о героях Великой Отечественной войны, о трудовых подвигах колхозников и рабочих» (стр. 98), у горских евреев в фольклоре «получили отражение подвиги советских воинов, сражавшихся с немецкими захватчиками, а также образы героев социалистического труда» (стр. 240). Это, конечно, совершенно правильно, и отметить это было очень важно, но ведь то же самое можно сказать об устном народном творчестве всех без исключения народов СССР; читатель не увидит здесь этнического своеобразия аварского или дагестанского фольклора, ничего не узнает о приемах и средствах его художественной выразительности. Об устном народном творчестве некоторых других народов Дагестана говорится несколько подробнее (главным образом перечисляются отдельные жанры), однако и здесь изложение остается сухим и безглым.

Нередко эта сухость изложения связана со своего рода стандартизацией, употреблением одних и тех же «выработавшихся» и постоянно повторяющихся в этнографической литературе приемов и формул. Переход от описания старого быта народа к описанию его новой жизни в большинстве случаев совершается посредством одной и той же стереотипной фразы: «Великая Октябрьская социалистическая революция внесла глубокие изменения в жизнь аварцев» (стр. 42), «Великая Октябрьская социалистическая революция внесла глубочайшие изменения в культуру, жизнь и быт агулов» (стр. 213), «Великая Октябрьская социалистическая революция глубочайшим образом изменила жизнь цахуров» (стр. 221) и т. д. В статье «Табасараны», в которой, в противоположность статьям «Лезгинцы», «Лакцы», «Рутульцы», отсутствует конкретный показ положительных последствий присоединения края к России, автор (М. М. Ихилев) не преминул механически вставить в текст другую стандартную формулу: «Царизм, превративший Дагестан в свою колонию, несмотря на прогрессивное значение присоединения Дагестана к России, сохранил и всячески поддерживал феодальную знать» (стр. 180). Тот же автор дважды (в статьях «Табасараны» и «Горские евреи») повторяет следующий прием показа изменения содержания старых обычаев и превращения их в социалистические: «Если до революции почетными гостями считались духовные лица и торговцы, то теперь ими стали передовики колхозного производства, учителя, научные работники, офицеры Советской армии» (стр. 190 и 238). Пример этот, ставший в этнографической литературе как бы «дежурным», кстати сказать, вообще неудачен: в данном случае изменилось не содержание обычаев, а состав общества — торговцев теперь нет, а духовные лица стали столь же редки, как и религиозные люди.

Для научно-популярной этнографической работы немалое значение имеет и вопрос о ее внешнем виде. В этом плане рецензируемая книга также вызывает упрек,

который следует адресовать к Издательству Академии наук СССР. Иллюстрации, подобранные в целом хорошо и разносторонне, выполнены технически скверно, многие из них (стр. 34, 147, 182, 229 и др.) по качеству напоминают средние газетные фотоснимки. Приложенная к работе чернобелая «Этническая карта Дагестанской АССР» содержит 12 условных обозначений; прочесть ее нелегко, и книга много выиграла бы, если бы наряду с этой картой в тексте были даны небольшие яркие картосхемы, показывающие расселение отдельных народов. Плохо выполненные иллюстрации, серая карта мало вяжутся с удачно оформленным переплетом (художник — Н. А. Сидельников) и делают книгу менее привлекательной, а следовательно, и менее популярной.

Коллектив кавказоведов Института этнографии и Дагестанского филиала АН СССР сделал полезное дело, выпустив первую и в целом хорошую книгу о прошлом и настоящем народов Советского Дагестана. Отдельные имеющиеся в ней недостатки могут быть своевременно продуманы и учтены теми, кто продолжит важный почин подготовки научно-популярных этнографических работ о народах и их культуре. А это сейчас, несомненно, одна из серьезных очередных задач, стоящих перед всем коллективом советских этнографов.

Я. С. Смирнова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

СБОРНИК «СЕРБСКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА В ВОЕВОДИНЕ» *

После второй мировой войны в Югославии значительно возрос интерес к этнографическим исследованиям. Большое внимание, в частности, уделяется изучению жизни сербов Воеводины. В Воеводине создано несколько местных краеведческих музеев, которые с областным Воеводинским музеем во главе ведут работу по сбору этнографического материала среди населения области. Продолжают свою работу в Воеводине также сотрудники этнографического института Сербской Академии наук. Оживился интерес к этнографии и в Сербской Матице, что нашло свое отражение в создании особой этнографической секции в рамках ее Научного отделения и в публикации собранного материала.

Рецензируемый сборник является плодом научного содружества Сербской Матицы и Воеводинского музея. Он вышел в свет в 1953 г. под редакцией известного югославского этнографа, доктора Миленко С. Филиповича.

Воеводина занимает особое место среди сербских земель. Сербское население этой области составилось из беженцев, уехавших от притеснений турок в XIV — XV вв. и в особенности в конце XVII — начала XVIII в. Беженцы превращались в военных поселенцев и несли пограничную службу, охраняя Австрийскую империю от нападений турок.

До образования Югославского государства территория Воеводины входила в состав Австро-Венгрии. Тем не менее, сербское население этой области сохранило национальную специфику своего быта. Кроме сербов, в Воеводине живут еще венгры, хорваты, немцы, словаки, румыны и другие. Сербы составляют большинство населения.

В Воеводине раньше, чем в других сербских землях, стали развиваться капиталистические отношения. Это, естественно, отразилось и на материальной культуре народа, в частности на его costume.

По сравнению с другими сторонами материальной культуры народная одежда в Югославии изучалась меньше, сведения же о народном costume такой этнографически малоизученной области, как Воеводина, представляются особенно ценными.

Рассматриваемый сборник состоит из семи статей: «Сербская народная одежда в окрестностях Сремской Митровицы» Елены Джекич, «Сербская народная одежда в Южном Среме» Рады Иованчич, «Сербская народная одежда во Фрушкой Горе» Виды Грбич-Тричковиц, «Сербская народная одежда в Сомборе и его окрестностях» Софии Димитриевич; «Народная одежда Шайкашки»¹ Райко Николита, «Сербская народная одежда в Диштрикте во второй половине XIX в.» Александра Стефановича и, наконец, «Сербская народная одежда в окрестностях Вршаца» Вевы Милутинович.

Изучение народной одежды сербов Воеводины по существу еще только начинается. Поэтому авторы сборника, как это подчеркивается в предисловии, не ставят пока перед собой теоретических проблем, ограничиваясь публикацией нового описательного материала. Основное их внимание сосредоточено на старинной народной одежде, ко-

* Српске народне nošnje у Војводини, I. Уредио д-р Миленко С. Филиповић, Нови Сад, 1953.

¹ Шайкашка — часть территории Воеводины, расположенная между Дунаем и Тиссой.